

УДК 303.01

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

РАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ *

«Неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире».

«Пафос равенства есть зависть к чужому бытию, неспособность к повышению собственного бытия вне взгляда на соседа».

«Христианское равенство душ перед Богом принадлежит благодатному царству Духа и непередаваемо на социальную материальную плоскость».

Н. А. Бердяев. Философия неравенства

Эти высказывания Бердяева фактически представляют собой онтологический, психологический и методологический аргументы против идеи социального равенства. Такие аргументы, дополненные доводом об экономической неэффективности равенства, постоянно воспроизводятся и в современных дискуссиях о статусе и значении равенства как морального и политического идеала. Тем не менее, социальное равенство продолжает оставаться мощной притягательной идеей как для философов-теоретиков, так и для тех из нас, кто хотел бы жить в более справедливом мире, в котором социальные, политические и экономические неравенства не были бы столь устойчивы и глубоки.

Хотя идеалы равенства и справедливости и входят (наряду со свободой) в «джентльменский набор» моральных и политических ценностей, философы относятся к ним неодинаково. В качестве морального и политического идеала справедливость вызывает гораздо меньше сомнений, чем равенство. На протяжении всей истории трудно найти мыслителей, которые бы, рассуждая об обществе, не разделяли

стремления к справедливости. И в наши дни тема справедливости, после некоторого перерыва, вновь оказалась в центре внимания философов, экономистов и политиков. Конечно, всегда были и будут авторы, напоминающие нам о том, что «жизнь несправедлива», и, поэтому, по их мнению, не стоит ожидать, что общество и государство обязаны или сумеют исправить то, что было порождено природой. Однако, подобно медицине, которая успешно справляется со многими «естественными» болезнями, философская мысль направлена не только на познание мира, но и на то, чтобы, по мере возможности, изменять его на началах разума. Применительно к обществу это означает преодолевать или компенсировать хотя бы наиболее вопиющие случаи «космической несправедливости».

К идеалу равенства отношение гораздо более сложное. На первый взгляд может даже показаться, что идея равенства не пользуется особым почетом у политических философов. Часто можно встретить поверхностное противопоставление равенства и свободы, при этом сторонники свободы если и не особо возражают против политического и правового равенства, то подвергают критике стремление к тому или иному варианту экономического равенства. Содержательное (материальное) равенство иногда называют уравниловкой, указывая на то, что если экономическое равенство вообще достижимо, то это равенство в бедности. Такое отношение к идеалу равенства многие считают отличительной чертой философии либерализма, что, однако, неверно. На самом деле противопоставление равенства и свободы, представление о том, будто на одном фланге (слева) развеваются знамена равенства, а на другом (справа) – свободы, создает совершенно неверное представление о современном

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-03-03027а.

состоянии либеральной политической философии. Канадский философ У. Кимлика обратил внимание на то, что если проанализировать предпосылки современных философских теорий, претендующих хотя бы на минимальную респектабельность, то станет ясно, что все они без исключения принимают базовую предпосылку равенства индивидов, по крайней мере морального, правового и политического [Kumlicka, 1992]. В наши дни невозможно представить себе конкурентоспособные концепции, основанные на представлениях как о фактическом, так и нормативном неравенстве людей. Такие концепции просто не могли бы рассматриваться в качестве серьезных альтернатив. Презумпция равенства индивидов характерна для всех философских концепций общества, присутствующих на рынке философских идей, – как для либерализма, так и для коммунитаристских, марксистских, феминистских и других концепций¹. Но и стремление к экономическому равенству занимает центральное место в наиболее значимых концепциях справедливости, таких, например, как теория Дж. Ролза.

Более того, Р. Дворкин полагает, что в любом «честном соревновании» свобода вчистую проиграла бы равенству [Dworkin, 2002] и предлагает искать такие процедуры достижения справедливости и такие ее принципы, которые бы позволили сохранить для нас ценность свободы. Дворкин достигает этого, формулируя весьма сложный вариант концепции равенства ресурсов, в которой права и свободы – часть пакета, подлежащего справедливому распределению, а равенство и справедливость представляют собой две стороны общегуманистического идеала. У многих других философов (Дж. Ролз, М. Уолцер, У. Кимлика, И. Шапиро и др.) также можно обнаружить трактовку равенства как основного или одного из главных принципов справедливости. Излишне говорить, что и в российской традиции связь представлений о равенстве и справедливости является особенно тесной.

Однако при попытке связать идеи равенства и справедливости мы сталкиваемся с целым рядом проблем – от структурных до содержательных. Если равенство – это отношение между людьми или группами, то справедливость – характеристика людей, поступ-

ков или общественного устройства в целом. В контексте проблем дистрибутивной справедливости требование равенства не означает, конечно, того, что следует стремиться обеспечить равенство людей во всех отношениях, это скорее презумпция равенства, означающая, что неравное распределение как ресурсов и возможностей, так и выгод и тягот социальной кооперации в целом должно быть обосновано. Содержательные же проблемы связаны с тем, как именно следует понимать отношение равенства, при этом самые жаркие споры возникают именно вокруг трактовок экономического равенства. Если философы, как правило, обсуждают сущность и ценность равенства как абстрактного идеала, его место в пространстве других ценностных ориентиров, то экономисты и политики чаще говорят о проблеме неравенства, акцентируя внимание на необходимости преодоления огромной пропасти между людьми, которые не по своей воле оказываются в столь разных экономических и политических условиях.

Еще одно обстоятельство, затрудняющее выявление связи между категориями справедливости и равенства, состоит в том, что если справедливость в философско-политических дискуссиях используется преимущественно как нормативное понятие, как некоторое идеальное состояние общественных институтов, к которому следует стремиться или хотя бы использовать в качестве оценочного стандарта, то с идеей равенства ситуация несколько иная. Идея равенства используется в политических дискуссиях и как утверждение о фактах, т. е. о том, что люди в действительности равны, и как утверждение о политических принципах или целях, т. е. о том, что они должны быть равны, даже если в настоящее время это и не так. Логический переход от фактического равенства к должной справедливости невозможен, а рассуждения в плане двойной нормативности (одновременно равенства и справедливости) серьезно ослабляют фундамент любой эгалитаристской теории справедливости. Впрочем, эти теоретические проблемы не должны мешать главному – попытке понять, какие именно содержательные трактовки равенства могли бы лечь в основу теории социальной справедливости. Достаточно ли для этого только формальных или формально-

¹ Подробнее об этом см. [Кашников, 2004]

правовых концепций равенства или же необходимо также и содержательное наполнение идеала равенства?

Формальные трактовки равенства, входящие к Аристотелю, применительно к дистрибутивной справедливости предписывают предоставлять равные доли равным и неравные неравным. Конечно, этот принцип совершенно недостаточен в качестве как морального идеала, так и политического регулятива, так как он не накладывает никаких содержательных ограничений на поведение. Равное отношение может быть как с нулевой, так и отрицательной ценностью – например, равно пренебрежительное отношение ко всем людям одного возраста или цвета кожи. Формальное равенство позволяет принимать какие угодно содержательные принципы при условии их последовательного применения. Если говорить о самом Аристотеле, то в его трактовке справедливости на равное отношение могли претендовать только лишь равные. Остальные относились к неравным. Такая связь понятий справедливости и равенства не имеет ничего общего с теми трактовками справедливого равенства, которые явились продуктом современных представлений о демократии и конституционном устройстве общества. Необходимо поэтому внимательнее рассмотреть, какие именно содержательные идеи заложены в тех или иных концепциях равенства, претендующих на то, чтобы лечь в основу теории дистрибутивной справедливости.

Содержательные же трудности связаны с тем, что равенство – это понятие-хамелеон, меняющее свою окраску в зависимости от общих теоретических воззрений того или иного философа. Утилитаристы могут полагать, что именно утилитаристское исчисление – это единственный способ равного учета интересов каждого, сторонники общественного договора могут считать выражением идеи равенства максимальное абстрагирование от индивидуальных особенностей и предпочтений принимающих решение индивидов, либертарианцы могут использовать требование равенства как способ уважения равных и неотъемлемых прав на собственность. Таким образом, философские дискуссии, посвященные равенству, вовсе не принимают форму противопоставления равенства другим ценностям, например свободе. Напротив, равенство – одна из фундаментальных

ценностей как в моральной, так и политической философии. Равенство прав, равенство возможностей, равное достоинство, беспристрастность – все это проявления одного и того же базового принципа равенства. При этом в пользу равенства можно привести не только деонтологические аргументы, согласно которым мы обязаны относиться к людям как к равным в определенных отношениях, но и телеологические доводы, в соответствии с которыми равенство позволяет наилучшим образом реализовать общие цели или приводит к наилучшим результатам. Такова, в частности, аргументация утилитаризма.

Что же вообще означает равенство как моральный и политический идеал? Ведь совершенно очевидно, что люди рождаются неравными, у них разные возможности, склонности, таланты. Это и физические неравенства, которые делают мир людей таким разнообразным, и социальные и политические неравенства, обусловленные как происхождением, так и другими факторами. Руссо так начинает свое знаменитое «Эссе о неравенстве»: «Я замечаю всякое неравенство в человеческом роде: одно, которое я назову естественным, или физическим, так как оно установлено природой, состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств. Другое же может быть названо нравственным, или политическим, так как оно зависит от своего рода договора и установлено или по крайней мере стало правомерным с согласия людей. Оно состоит в различных привилегиях, которыми одни пользуются к ущербу других, в том, например, что одни более богаты, уважаемы и могущественны, чем другие, или даже заставляют их повиноваться себе...» [Руссо, 1970].

Как покончить с этими несправедливыми привилегиями? Концепций содержательно-го равенства довольно много. Равны ли люди по природе и в каком отношении – вопрос достаточно тривиальный. Так как равенство – неполный предикат, то оно нуждается в дополнении – в отношении чего мы говорим о равенстве. При этом на арену вновь выходят традиционные споры о том, в каком отношении люди могли бы или должны полагаться равными. Претендентов очень много – это и равенство ресурсов, и равенство прав, и равенство возможностей и даже равное счастье. Среди огромного многообразия человеческих характеристик всегда можно обнаружить такую или такие, по отношению к которым мож-

но говорить о равенстве людей. Остается спорить об относительной важности или иерархии этих характеристик – это может быть разумность, способность чувствовать боль и страдания, равенство перед Богом и т. д.

Среди концепций содержательного равенства очевидно недостаточны концепции как абсолютного (радикального) равенства, например в формулировке Бабефа, призывавшего «обуздать судьбу» и обеспечить людям «достаток и ничего кроме достатка», так и показавшая свою несостоятельность концепция равенства как равного благосостояния. Преобладающими концепциями равенства считаются концепции равенства возможностей и определенным образом понимаемые концепции равенства ресурсов. Так как невозможно обеспечить людям равного благосостояния, все, что можно им предложить, – это равные шансы или равные ресурсы. При этом равенство возможностей далеко не всегда понимается лишь как отсутствие произвольных политических или правовых препятствий. Иногда выравнивание возможностей понимается как необходимое материальное условие как справедливости, так и подлинной свободы. Такова очень спорная концепция бельгийского философа ван Париса, который предлагает выплачивать некоторый гарантированный минимальный и равный доход всем членам общества, независимый как от их реальных потребностей, так и от благосостояния [Parijs, 1997]. Это важная составляющая его концепции справедливости – только так, по его мнению, можно обеспечить некоторую степень реальной свободы, которая позволит человеку реализовать свои желания и таланты. Самое спорное здесь то, что этот равный гарантированный доход выплачивается всем членам общества без исключения, причем не только без учета их материального положения, но и без учета заслуг перед обществом. А ведь именно связь заслуги и вознаграждения и считается одним из важнейших принципов справедливости.

Можно сказать, что та или иная реализация идеи равенства – как морального, политического, так и экономического идеалов – и составляет определенную концепцию справедливости. При этом в основе такого эгалитаристского подхода к справедливости часто лежит достаточно неоднозначная идея – о необходимости нейтрализации природного и

социального везения. В самом деле, почему дети богатых родителей уже при рождении совершенно незаслуженно получают лучшие жизненные шансы, а инвалиды, не виновные в своем увечье, – худшие? Решение напрашивается само собой – там, где перераспределение уравнивает жизненные шансы и возможности тех, кому повезло в этой жизни, и тех, кому не повезло, оно допустимо. Эта та плата, которую платят те, кому повезло, или, в терминологии Ролза, «более удачливые» за выгоды социальной кооперации и стабильность общественной жизни. При этом речь идет именно о незаслуженном везении. Если же везение, удача стали следствием определенных действий или решений со стороны индивида, то такими подарками фортуны он может пользоваться заслуженно и по справедливости.

Устранение морального везения, «космической несправедливости» – не единственно возможное обоснование идеала равенства. Необходимо помнить, что равенство – это отношение, и поэтому целью философии и практики эгалитаризма должно стать стремление к такому обществу, в котором люди находятся по отношению к друг к другу в состоянии как минимум морального и политического равенства. Хотя идеал равенства часто маскируется или допускается лишь как политический, на самом деле весьма сильна тяга к поиску различных схем экономического уравнивания шансов. Примером может служить и «Теория справедливости» Ролза [Ролз, 1995], и многие другие концепции справедливости. По-прежнему актуальны слова Кропоткина: «И в самом деле, в современном государстве самой большой помехой развитию и поддержанию нравственного уровня, необходимого для жизни в обществе, является отсутствие общественного равенства. Без равенства – «без равенства на деле», как выражались в 1793 г., – чувство справедливости не может сделаться общим достоянием. Справедливость должна быть одинакова для всех; а в нашем обществе, расслоенном на классы, чувство равенства терпит поражения каждую минуту, на каждом шагу. Чтобы чувство справедливости по отношению ко всем вошло в нравы и в привычки общества, надо, чтобы равенство существовало на деле. Только в обществе равных мы найдем справедливость» [Кропоткин, 1990].

Говоря о реализации идеала равенства в общественной жизни, то необходимо принимать в расчет все сферы жизни и деятельности человека – и экономику, и устройство политических институтов, и доступ к образованию и здравоохранению, религию и культуру и т. д. Это требование не так тривиально, как может показаться на первый взгляд. Основная идея заключается в том, чтобы, во-первых, не допускать монополизации того или иного ресурса (власти, денег, доступа к образованию) в руках одних и тех же людей, и, во-вторых, в некоторых случаях препятствовать конвертированию одних ресурсов в другие (например, экономического могущества в политическую власть и наоборот). Такие подходы к справедливости, акцентирующие внимание не на участниках распределения, а на характере распределяемого ресурса или продукта, вслед за М. Уолцером получили название «сложного равенства». Такое равенство обеспечивается не только за счет блокирования монопольного доступа к определенным ресурсам, но и посредством определения таких социальных благ, которые вообще не могут быть предметом экономического обмена, т. е. не могут покупаться и продаваться, так как обеспечивают само условие существования общества. К такого рода «ресурсам» Уолцер относит, во-первых, самих людей, и, кроме того, политическую власть и влияние, уголовное право, различные свободы – слова, печати, веры, собраний. Не продаются и не покупаются также права на брак и продолжение рода (нельзя, например, купить лицензию на многоженство). Не являются предметом торга также возможность покинуть политическое сообщество, освобождение от воинской службы или обязанность выступать в качестве присяжных, политические должности и некоторые другие ресурсы. Равное их распределение или равное участие не просто выступает в качестве основания справедливости, но и является необходимым условием устойчивости общества в целом [Walzer, 1983].

Говоря о сложном равенстве как принципе справедливости, можно указать и на важность одновременного учета императивов морального, политического и экономического равенства. Первый тип равенства – равное достоинство человеческих личностей – вновь проблематизируется с развитием процессов

глобализации. Именно поэтому все чаще говорят даже о смене самого предмета справедливости и о переходе от парадигмы распределения к парадигме признания. Переход к «мультикультурному гражданству» не только ослабляет сплоченность национальных сообществ, но и затрудняет проблему достижения равного человеческого достоинства, требуя специальной «политики признания», так как «идентичность каждого отдельного гражданина переплетена с коллективными идентичностями и ради стабилизации вынуждена попадать в сеть взаимного признания» [Хабермас, 2005]. Последствия глобализации для обеспечения политического и экономического равенства не вполне ясны, но ясно, что ослабление политической и экономической сплоченности национальных сообществ и отсутствие институтов, которые могли бы предотвратить монополизацию ресурсов и их конвертирование, а также запрет на превращение их в предмет торга, по меньшей мере не способствуют реализации концепции сложного равенства.

Список литературы

- Кашиников Б. Н.* Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004. С. 39–42.
- Кропоткин П. А.* Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 324–325.
- Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 536 с.
- Руссо Ж. Ж.* О причине неравенства. Антология мировой философии: В 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 560.
- Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии / Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 269–340.
- Dworkin R.* Sovereign Virtue. The Theory and Practice of Equality. Harvard: Harvard Univ. Press, 2002. P. 134.
- Kymlicka W.* Contemporary Political Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 1–5.
- Parijs P.* Real Freedom for All. Oxford: Clarendon Press, 1997. 330 p.
- Walzer M.* Spheres of Justice. Basic Books, 1983. P. 97–103.